

Лебедеко Елена Юрьевна

"МОЖНО ЛИ ТАКОВОЙ ВЫБОР ПОЧЕСТЬ УЗАКОНЕННЫМ?": ВОСПРИЯТИЕ ВЫБОРНОГО ПРОЦЕССА ГОРОЖАНАМИ В НАЧАЛЕ XIX В. (НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛА)

В статье предпринята попытка анализа правовой культуры городского населения на материалах конфликта, произошедшего в начале XIX в. в одном из провинциальных городов - уральском Ирбите. Освещение получают правовые представления горожан и их реализация в конкретной "локальной" ситуации выборов в институты местного самоуправления. Особое внимание уделяется анализу поведения и его репрезентации в текстах со стороны участников конфликта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/1/25.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1 (63). С. 98-103. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(470.5)“18”

Исторические науки и археология

В статье предпринята попытка анализа правовой культуры городского населения на материалах конфликта, произошедшего в начале XIX в. в одном из провинциальных городов – уральском Ирбите. Освещение получают правовые представления горожан и их реализация в конкретной «локальной» ситуации выборов в институты местного самоуправления. Особое внимание уделяется анализу поведения и его репрезентации в текстах со стороны участников конфликта.

Ключевые слова и фразы: выборы; горожане; правовая культура; модернизация; акторы.

Лебеденко Елена Юрьевна, к.и.н.

*Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
hyulebed@mail.ru*

«МОЖНО ЛИ ТАКОВОЙ ВЫБОР ПОЧЕСТЬ УЗАКОНЕННЫМ?»: ВОСПРИЯТИЕ ВЫБОРНОГО ПРОЦЕССА ГОРОЖАНАМИ В НАЧАЛЕ XIX В. (НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛА) ©

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01625).

Реформы Екатерины Великой в той или иной степени затронули все стороны общественного устройства. Кардинальным изменениям была подвергнута система местного управления. Города превратились в самостоятельные административно-территориальные единицы, формировавшиеся там новые городские сословия получили «свои» учреждения, заведовавшие исключительно их делами. Процесс «перестройки» системы – трансформации старых и «установления» новых институтов в городах в последней четверти XVIII в. достаточно глубоко изучен в отечественной историографии [6; 8]. В меньшей степени получил освещение другой аспект проблемы, связанный с восприятием и освоением произошедших изменений самими горожанами. Актуализирует исследования в этом направлении то, что они позволяют «увидеть» трансформационные сдвиги под другим углом – не со стороны государства, а со стороны общества. Сфера действий рядовых участников процесса преобразований ограничена «микроуровнем» (изменением повседневных практик), существенно расширить представление о котором способны исследования, базирующиеся на региональных материалах [2, с. 8, 12].

Одним из немногих историков, обративших внимание на необходимость изучения повседневных практик участия горожан в общественном правлении на материалах русской провинции, является А. И. Куприянов [4]. В своих работах он предпринял попытку реконструировать представления городского населения о деятельности институтов местного самоуправления и иерархии выборных должностей. На основе архивных материалов городов Центральной России (Московская и Тверская губернии) и Западной Сибири (Тобольская и Томская губернии) им были проанализированы стратегии поведения и выборные технологии избрания или уклонения от общественной службы в конце XVIII – середине XIX в. В результате А. И. Куприянов сделал вывод о патриархальном характере культуры городского самоуправления, отметил он и нередко встречавшуюся в провинции равноценность местных выборных традиций действующему законодательству. Исследователь подчеркнул, что, несмотря на имеющуюся прочную историографическую традицию, следует продолжить изучение этой проблемы в региональном разрезе [5, с. 54-55].

В настоящей статье предпринимается попытка выяснить, как происходило использование правил и норм, предложенных властью в ходе губернской и городской реформ последней четверти XVIII в. (изложенных соответственно в Учреждении для управления губерний 1775 г. и в Городовом положении 1785 г.). Эту проблему предлагается рассмотреть на материалах конфликта, произошедшего в ходе выборов в местные органы самоуправления в одном из провинциальных городов в начале XIX в. – уральском Ирбите.

Как и многие другие уездные центры империи, Ирбит получил статус города в ходе областной реформы конца XVIII в. [3, с. 194, 305]. Местная «гражданская» община формировалась за счет охотно приписывавшихся в 4-ю и 5-ю ревизии мигрантов из ближайших посадов Урало-Сибирского региона (Верхотурья, Екатеринбург, Туринска, Тюмени и др.), привлеченных новым правовым положением и расширяющейся ярмарочной торговлей Ирбита.

Город был знаменит на всю страну благодаря ежегодно проводившейся здесь зимней ярмарке, которая считалась «первою после Макарьевской в северной полосе России». Этот «съезд» играл важную роль во внутренней торговле страны, сосредотачивая товаропотоки Сибири, Китая, Средней Азии и Европейской части империи. Ирбитчанам ярмарка предоставляла отличную возможность «заработать», сдавая в аренду жилье и торговые помещения или оказывая различные услуги приезжим (чаще всего по охране товара). Во «внеярмарочное» время Ирбит – небольшой уездный город, население которого в начале XIX в. не превышало 2,5 тыс. чел. Большая часть его жителей (¾) входила в состав местной общины купцов и мещан [7, с. 37]. В отличие от «старопосадских» центров Урала (таких как Кунгур, Соликамск и пр.) городское сообщество Ирбита в начале XIX в. сравнительно

молодо и не так крепко сковано устоявшимися традициями. Это позволяет предположить, что здесь ярче должны проявиться черты того «нового», что было «предложено» властью в ходе екатерининских реформ конца XVIII в.

Избирательный конфликт, привлечший наше внимание, произошел в Ирбите осенью 1805 г. во время очередных выборов «присутствующих» в местную думу и магистрат. 6 октября 1805 г. рутинный ход голосования за кандидата на пост городского головы был прерван выступлением одного из ирбитских граждан (купца Ивана Логинова-малого), заявившего о «негодности» соискателя Ивана Шварева и предложившего иную кандидатуру (купца Ивана Васильевича Старикова) [1, д. 44, л. 214]. «Агитация» в пользу последнего имела успех и была поддержана частью собравшихся, «вынудивших» организатора выборов, действующего голову Ивана Шалкова, провести баллотирование с участием «вновь выдвинутого» И. В. Старикова. После победы последнего (за него проголосовало 2/3 выборщиков), по аналогичной схеме – в обход городского головы Шалкова, «выкриками с мест» был предложен кандидат на должность бургомистра ирбитского магистрата (им стал Зотий Осипович Рогаткин). Действующий городской голова отказался проводить выборы с участием заявленного претендента, поставив под сомнение репутацию Рогаткина, после чего «взбунтовавшиеся» сограждане начали угрожать Шалкову, вынудив его и поддерживавших его членов магистрата покинуть собрание. Пока «сбежавший с поля боя» голова ждал помощи от городничего, вызвав «команду» для «усмирения» смутьянов, оставшиеся горожане провели голосование, избрав на должность бургомистра мещанина З. О. Рогаткина, а на пост «купецкого» гласного – купца В. Е. Кузнецова. «Обиженный» произошедшим 6 октября председатель местной думы совместно с членами магистрата «пожаловался» на «непорядочное поведение» сограждан пермскому «начальству», отправив соответствующие рапорты в губернское правление. В результате ни Рогаткин, ни Кузнецов не были утверждены в своих должностях; а ирбитское градское общество вынуждено было провести перевыборы бургомистра и гласного.

Очевидно, что источником конфликта в данном случае являлась борьба двух «партий», конкурировавших за право контроля над наиболее значимыми позициями в системе местного самоуправления. Столкновение интересов, произошедшее на выборах, и дальнейшее разбирательство по данному вопросу привело к появлению документации, которая позволяет «увидеть» конфликт с разных точек зрения, реконструировав представления его участников о произошедшем.

Версия городского головы И. В. Шалкова и его сторонников изложена в рапорте на имя пермского и вятского генерал-губернатора К. Ф. Модераха, в котором члены думы описывали «непорядочные поступки» сограждан «во время баллотирования присутствующих в 9-е заседание» [Там же]. Излагая свое видение событий, авторы документа стремились представить себя как неукоснительно соблюдающих «закон» и незаслуженно «оскорбленных» действиями некоторых выборщиков, нарушивших «порядок» в собрании общества 6 октября. Для того чтобы добиться нужного эффекта, думцы процитировали одно из предписаний, регламентировавших процедуру выборов городских обывателей в губернии («обряд, прописанный в указах» местного губернского правления от 27 января 1798 г.). Благоприятное впечатление на пермское «начальство» должна была произвести и ссылка на соответствующее распоряжение от 12 сентября 1805 г., также затрагивавшее этот вопрос.

Организаторы ирбитского «баллотировочного» собрания 6 октября (и голова И. В. Шалков в том числе) представлены как идеальные исполнители «указов». Нарисованная ими картина до определенного момента в точности соответствует «правильному порядку» благодаря соблюдению правовых норм и соответствующих распоряжений. Дума заранее «повешает» местное гражданство о грядущих выборах «через билеты». В назначенный день «все собрание» в соответствии с «высочайше апробированным» обрядом приносит присягу в городском собрании, после – заслушивает «обряд о выборах», собираясь в здании местной думы. Далее производится процедура баллотирования «из назначенных обществом кандидатов».

Поступки организатора выборного заседания трактуются в положительном ключе. Городской голова И. В. Шалков действует «благопристойным образом» и, даже высказывая сомнения в отношении кандидата на должность бургомистра, ссылается на сведения, полученные в ирбитском магистрате. Остается в рамках закона он и в случае угроз в свой адрес: опасаясь «ругательства и побоев» от нарушителей порядка, он, «видя вышедший на его нечаянно жребий», спасается, «схоронившись в присутствии сиротского суда», и просит помощи у городничего. Не выдержавшие прессинга «магистратские члены», реагируя на «дерзость» оппонентов, просто «удаляются в магистратские коморы». Сторонники «партии» И. В. Шалкова описываются как солидные и достойные граждане. Таким выглядит претендент на пост городского головы Иван Алексеевич Шварев – купец 3-й гильдии, «в житии поведения и характера доброго».

Противники И. В. Шалкова, нарушившие привычный – «правильный» ход событий, предстают «крикунами», не признающими правил: «вышедшие же из мест своих» купец Иван Логинов-малой и мещанин Егор Яковлев Стариков «объявили», что Шварев «к баллотированию за старостию лет» не подходит, а затем, «прокача шары, выбаллотировали городским головою бывшего в 6-м заседании бургомистром» И. В. Старикова, а в 1-е бургомистры – купца Я. П. Ентальцева. Любопытно, что оппоненты «партии» Шалкова также обосновывали свои претензии с точки зрения права, ссылаясь на «закон», якобы запрещавший избирать «в градские службы» в преклонном возрасте (И. А. Швареву к октябрю 1805 г. исполнилось уже 70 лет).

Действующий голова И. В. Шалков всячески подчеркивал «самовольность» действий купца Логинова «с товарищи», проявленную ими в ходе голосования на должность 2-го бургомистра: «крикуны» сами «назначили» кандидатуру мещанина З. О. Рогаткина, сами провели процедуру баллотирования. При этом их поведение характеризовалось как неприкрытое давление на избирателей: И. П. Логинов-малый, якобы «схватив со стола ящик, нося оной, повелительным образом говорил класть шары на правую руку (т.е. избираю)». Думцы трактовали такие действия как явное нарушение «порядка». Аналогичным образом оценивался и факт, связанный с количеством принявших участие в голосовании за кандидатуру мещанина З. О. Рогаткина (всего 79 чел. «против находящихся по списку 95»).

Акцентировали авторы рапорта и внимание на «неприличном» поведении «буйствовавших» оппонентов. Тот же И. П. Логинов-малый в ответ на доводы И. В. Шалкова «дерзко выскакивает чрез две скамьи к столу», говорит «с криком», угрожает, предлагая «вытащить его (*голове* – *Е. Л.*) из собрания за волосы вон». Все вышеописанное квалифицировалось заседавшими в ирбитской думе как «личная обида», нанесенная городскому голове, о чем «оскорбленная» сторона конфликта и доносила начальству «на рассмотрение».

Примечательно, что в рапорте думы опущен ряд подробностей выборного процесса, видимо, несущественных с точки зрения его авторов. Восстановить некоторые из них позволяет анализ избирательных списков [Там же, л. 206-211]. Он показывает, что оппозиционная «партия» сумела заручиться поддержкой 2/3 голосов присутствовавших на собрании. 60 шаров «не избираю» было подано за кандидатуру И. А. Шварева, чуть больше – 62 выборщика – проголосовали за И. В. Старикова. Совсем не упоминался в рапорте думы еще один претендент на пост головы – купец Я. П. Ентальцев, впоследствии победивший в борьбе за должность 1-го бургомистра (63 «избираю» против 27 «не избираю»). Не был указан и купец Ф. Я. Калмаков, ставленник И. В. Шалкова, претендовавший на «магистратскую службу» в качестве 2-го бургомистра. Против него подали голоса все те же поддерживавшие «крикунов» 2/3 (67 «не избираю»). Примерное количество принявших участие в баллотировании по большинству кандидатур в тот день составило 90-91 чел. Поэтому тот факт, что по поводу претендовавшего на пост 2-го бургомистра Рогаткина «высказали» свое мнение, опустив шары в избирательный ящик, лишь 79 выборщиков (72 «избираю» против 7 «не избираю»), также служит косвенным свидетельством прямого столкновения противников. Очевидно, что «за бортом» оказалось почти 12 человек, не принявших участия в голосовании по этому вопросу.

Свое видение событий, произошедших в ходе выборов 6 октября, предложили магистратские служители, изложив его в «доношении», поданном на рассмотрение ирбитской думы 7 октября [Там же, л. 217 – 217 об.]. Довольно туманно сообщая о состоявшемся 6 октября выборе «людей не тех достоинств», авторы акцентировали внимание читателя на сопровождавших процедуру голосования «криках», не позволявших сохранить «долженствующей благосклонности». Констатировалось, что до определенного момента все шло согласно букве закона (граждане были собраны, приведены к присяге, им были зачитаны «относительно выбора законы»). Процесс же «баллатировки» неожиданно сопровождался «многим криком», «в чем особенно замечен из купцов Иван Петров Логинов малой». Характеризуя действия смутьяна, магистратские служители описывают его как «громогласно» кричавшего и возвышавшегося «противу всех», подразумевая, что такое поведение в собрании сограждан недопустимо. «Шумная» агитация купца Логинова сводилась к призывам «не надо де выбирать того» и требованиям, сопровождавшимся знаком поднятия руки, – «того де избираем». Оказывал он давление на выборщиков и непосредственно в ходе голосования, «схватив положенные на тарелки шары и ящик, разношаиваючи, кричал, клади в тое сторону, которая значит избираю». Упомянуты и «дерзновенные» угрозы в адрес организатора выборного собрания, городского головы – якобы И. Логинов «советовал и градского главу Шалькова вытащить за волосы». Члены магистрата, наблюдавшие за происходившим, намекали на возможность предварительного сговора «оппозиции» – «они прежде предназначили по видимости в каких-нибудь посторонних домах...» [Там же, л. 217]. Подтверждает с их точки зрения этот факт то, что сограждане «охотно соглашались крику» зачинщика, «следуя его преднамерения» [Там же, л. 217 об.].

Вышеперечисленные аргументы заставили бургомистра и ратманов сомневаться в легитимности проходивших 6 октября выборов («таковой выбор едва ли можно почесть узаконенным»). Значимым доказательством, по их мнению, служила и победа «недостойных» кандидатов. К числу последних отнесен Зотий Осипович Рогаткин – «мещанин, состоящий под взысканием и неплатящий оного». Предпочсть его второй гильдии купцу, как посчитали в магистрате, – «беззаконие». Неподходящим для «отправления служения» Зотия Рогаткина делало двукратное нахождение «под судом» «за слушания начальства». В магистрате подчеркивали, что решениями палаты уголовного суда Рогаткин был «подвергнут подтверждению, и, следовательно, найден неправым». Отягчающим обстоятельством являлось «наложение на его имение севистра» (в связи с нахождением под взысканием). Ссылаясь на государственные «узаконения», магистратские служители обращали внимание на «повеление» избирать к служению «только добросовестных» и имеющих «незаконную совесть». Кандидатура мещанина Рогаткина, с их точки зрения, не отвечает этим требованиям, что дает им право сообщить об обнаруженном ими правонарушении сначала ирбитской думе, а «ежели сие не будет оною уважено, то по необходимости обязаны донести высшему начальству» [Там же]. Сочинители доношения неоднократно подчеркивали, что именно сам факт выбора «людей не тех достоинств» требует пересмотра итогов голосования 6 октября.

Очевидно, «организаторы» городских выборов – голова и заседающие в думе гласные – не имели рычагов влияния, позволявших «усмирить» смутьянов самостоятельно и заставить общество «пересмотреть» итоги «баллатирования» сразу же после его окончания. Думцы использовали единственную из имевшихся на тот момент возможностей прекращения «беспорядков», обратившись за помощью к городничему. Следующий шаг – подача «жалобного» рапорта к губернскому «начальству» в надежде на защиту – обусловлен пониманием того факта, что полномочий на ревизию результатов голосования и наказания «обидчиков» городская дума не имеет.

Голова «со товарищи» не мог оценить действия сограждан с точки зрения норм права, зато такой способностью обладали заседавшие в местном магистрате. Осознавая наличие «белых пятен» в законодательстве (поведение избирателей во время голосования подробно не регламентировалось), магистратские служители понимали, что привлечь к ответственности кого-либо из оппонентов, например И. П. Логинова-малого, за оказание давления на выборщиков будет непросто. Поэтому основной акцент был сделан на тех нарушениях, которые считались бы таковыми с точки зрения права и, следовательно, выглядели более убедительно

в глазах пермских чиновников. Примечательно, что среди «обвиняемых» нет победившего на выборах нового головы И. В. Старикова, хотя тот явно принадлежал к числу «заговорщиков». Почти не упоминается и занявший позицию 1-го бургомистра купец Я. П. Ентальцев, конкурировавший со ставленником Шалкова за пост председателя думы, (ему не хватило всего 7 голосов для победы). Видимо, эти политические тяжеловесы были «не по зубам» партии Шалкова, и последний решил ограничиться правонарушителями, наиболее «уязвимыми» с позиции действующего законодательства.

Чтобы избежать повторения «неблагопристойных поступков», на заседании думы 9 октября принимается решение отстранить купца Ивана Логинова малого «с товарищи» (мещанами Семеном Стариковым и Андреем Степановым Кузнецовым) от участия в очередном выборном собрании. Голова И. В. Шалков, обвиняя потенциальных зачинщиков беспорядков в «нахождении в пьянственном образе», отсылает их «к господину городничему... для вытрезвления» [Там же, л. 219]. Для «проигравшей» стороны это была не только превентивная мера, но и прекрасная возможность лишний раз скомпрометировать противника с помощью «закона», поскольку за опьянение в состоянии «безпамятства» «буде кто найден на улице, или в общенародном месте» предусматривалось наказание, предполагавшее принудительную изоляцию («суточное воздержание на хлебе и на воде») [9, с. 483].

Судя по отсутствию жалоб и рапортов, выборы гласных и депутата прошли в обычном режиме, без повторения инцидентов, подобных случившемуся 6 октября. Однако «партия» И. В. Шалкова не смирилась с результатами голосования, закрепившими посты 2-го бургомистра и купеческого гласного за З. О. Рогаткина и В. Е. Кузнецовым. 11 октября в Пермское губернское правление был отправлен новый рапорт ирбитской думы, содержавший подкрепленное аргументацией магистрата описание «беспорядков», произошедших во время выборов 6 октября. Противники не упустили возможности лишний раз скомпрометировать конкурентов, подчеркнув «нелестные» для последних причины нахождения под судом («за невыполнение приказаний начальства» и «чинимые против городского головы ослушание и грубости»). Ожидание решения губернских властей по данному вопросу позволило думе на совершенно законных основаниях отстранить З. О. Рогаткина и В. Е. Кузнецова от приведения к присяге и «введения в должность». Остальные успешно «выбалатированные», в том числе голова И. В. Стариков, бургомистр Я. П. Ентальцев, четверо ратманов и двое гласных от мещан, приступили к исполнению своих обязанностей уже 18 октября [1, д. 44, л. 226].

Губернские чиновники достаточно оперативно вынесли вердикт по «ирбитскому делу» (27 октября), дав правовую оценку случившегося [Там же, л. 228-229]. Проанализировав поступившие материалы дела, в Перми отказались утверждать в должности мещанина З. Рогаткина и купца В. Кузнецова «за нахождением их под судом». Городскому обществу Ирбита предписывалось провести повторное голосование, выдвинув на посты 2-го бургомистра и гласного граждан «достойных и беспорочных». «Крикунов»-зачинщиков беспорядков купца И. П. Логинова малого «со товарищи» следовало наказать, «учинив взыскание» [Там же, л. 229 об.].

Оценивая доказательства, представленные в рапорте ирбитской думы, губернские власти особое внимание уделили оценке «добропорядочности» участвовавших в «балатировании» кандидатов с точки зрения действующего законодательства. Имевшаяся в распоряжении чиновников губернского правления законодательная база выглядит достаточно солидно. Рассуждая, что именно «указами повелено» по вопросу об избрании «достойных людей» и правилах проведения «балатирования», они цитируют правовые акты от 1 июня 1731 г. и 23 ноября 1773 г., подкрепляя их ссылками на соответствующие статьи Учреждений о губерниях 1775 г. (ст. 410) и Городового положения 1785 г. (ст. 49, 51, 52, 86) [Там же, л. 229]. В результате принятое губернским «начальством» решение по делу представляется вполне обоснованным с точки зрения «закона». «Роковым» для проигравших дело З. Рогаткина и В. Кузнецова становится их «недостойность» с позиции права, выражавшаяся в их неоднократном привлечении к юридической ответственности ранее [Там же, л. 228 – 228 об.].

Безусловно, участники конфликта пытались повлиять на пермских чиновников неформальным образом, добиваясь решения в свою пользу. Об этом косвенно свидетельствует почти месячная задержка «в пути» указа губернского правления, поступившего в канцелярию городской думы Ирбита лишь 27 ноября. Как показывает анализ повседневной практики делопроизводства, обычно сроки доставки «пермской» документации в Ирбит не превышали 10 дней. Очевидно, действия оппозиции «из-за кулис» успехом не увенчались, но, как показало дальнейшее развитие событий, сдаваться они не собирались.

Проигравшая сторона попыталась добиться пересмотра дела. Видимо, пост 2-го бургомистра представлялся настолько значимым для З. О. Рогаткина, что это заставило лишившегося его мещанина инициировать подачу прошения на имя губернатора с просьбой «преждевыбранных... утвердить и к должности допустить» [Там же, л. 234]. Василий Кузнецов, напротив, смирился с неудачей и отказался от места «гильдейского» гласного в ирбитской думе, обосновав свое решение с правовой точки зрения («затем, что он моложе 25 лет»).

Документ, составленный с подачи мещанина Рогаткина, написан от лица ирбитских граждан (102 человек), якобы недовольных решением губернского правления от 27 октября [Там же, л. 234-237]. В прошении ирбитчане информировали губернские власти о том, что избрали З. Рогаткина и В. Кузнецова «по долгу присяги и чистой совести» и не видят необходимости в проведении повторного голосования. Свидетельства о нахождении «преждевыбранных» под судом игнорируются, вместо этого предпринимается попытка их оправдания. Авторы документа пытались доказать «добропорядочность» кандидатов, фокусируя внимание на фигуре 2-го бургомистра.

Весомым аргументом в пользу З. Рогаткина, по мнению сочинителей прошения, представляется его богатый опыт работы на различных постах городского самоуправления (при сочинении обывательской книги, словесным судьей и ратманом). Подчеркивается, что свои службы по выбору он нес и несет «добропорядочно».

В текущем (1805 г.) году «ненаходя никакого пороку» его определили маклером («и он по сие время продолжает ее добропорядочно исправлять»). А «если бы Рогаткин был порочным», то ирбитский магистрат не определил бы его куратором, так как «тут должны быть люди добрые и неподозрительные». Не менее важным контраргументом служит сам факт его приглашения на выборное собрание городского общества, ведь «если бы его (*Рогаткина – Е. Л.*) выбрать было нельзя, то градская дума не должна была ему и билета присылать... а оный ему тогда был прислан...» [Там же, л. 235]. Таким образом, подразумевается, что все ирбитские купцы и мещане, внесенные в списки выборщиков, могут быть выбраны на тот или иной пост в местные органы власти, т.е. обладают не только активным, но и пассивным избирательным правом.

Немало внимания авторы прошения уделили фигуре оппонента, бывшего городского головы И. В. Шалкова, всячески пытаясь дискредитировать его в глазах губернской администрации. Упоминается его «нахождение под судом» 5-летней давности «за отрешение от присутствия бургомистра Коновалова и двух ратманов, в чем он найден виновным и за то оштрафован на 20 рублей» [Там же, л. 235 об.]. Припоминают и «прегрешения», совершенные Шалковым на посту городского головы Ирбита, в частности доказанное обвинение в фальсификации документов. «За сочинение фальшивого приговора, писанного задним числом... об отдаче мещан в военную службу» он был «найден виновным» и оштрафован на 23 рубля.

Прошение содержит намеки о давлении, которое Шалков оказывал на своих сограждан во время проведения процедуры баллотирования, так что многие победившие на выборах 6 октября были избраны «не по желаниям их просителей, а по настоянию вышеупомянутого Шалкова». Утверждается, что последний занимался отбором кандидатов на должности без учета мнения общества («в кандидаты писал сам по своему произволу и воле, а представляемых купцами и мещанами в кандидаты под разными предлогами и по своим умыслам не писал»). Причина подобного поведения для авторов документа очевидна – «есть таковые в выборе, что в подрядах гостинного двора на немалую сумму состоят» [Там же, л. 237]. Сделав на основании всего вышеизложенного вывод о «порочности» противника, его оппоненты предлагают исключить И. В. Шалкова из общества на основании 32-й статьи Городового положения 1785 г., лишив его права участия в собраниях ирбитских граждан.

Губернские власти посчитали аргументы, приведенные в прошении, недостаточно убедительными, отказав в пересмотре дела и приказав ирбитской думе «поступать по прежнему распоряжению правления» [Там же, л. 238-239]. Пермские чиновники, обосновывая причины решения, по которым «вышеписанное прошение нельзя уважить», перечислили три основных довода. Первый вполне закономерно касался добровольного «увольнения» с поста гласного В. Кузнецова, о котором тот попросил, ссылаясь на обозначенные в законодательстве возрастные ограничения («затем, что он моложе 25 лет и избран в сие звание неправильно»). Обвинения против головы И. В. Шалкова в «порочности» не были приняты во внимание в связи с окончанием срока его служения («он уже ныне не состоит городским головой»). Наконец, власти посчитали недостаточным число просителей, от имени которых подано ходатайство (102 чел.).

Следуя логике чиновников губернского правления, «оное прошение» следовало заверить подписями всех ирбитских купцов и мещан, числившихся на тот момент в городском обществе Ирбита (а их насчитывалось 718 ревизских душ). Очевидно, что выполнить это условие было невозможно, поскольку среди ревизских душ львиную долю составляли дети, не принимавшие участия в работе выборных собраний. Петиция же учитывала граждан-выборщиков, думается, в Перми это прекрасно осознавали и использовали этот довод, скорее, для проформы. В конечном итоге ирбитской думе предлагалось «учинить строжайшее подтверждение, чтоб впредь при выборах подобных беспорядков не было» [Там же, л. 239].

Через 4 дня после получения указа пермского правления в Ирбите состоялись перевыборы бургомистра и гласного, совмещенные с ежегодным избранием городского старосты и словесного судьи. 19 декабря обществом были «выбалотированы» Николай Ильин Пушкирев (бургомистром) и Николай Вершинин (гласным в думу) [Там же, л. 223 об.]. Организацией процедуры голосования руководил новый голова, Иван Васильевич Стариков. Прецедентов, подобных октябрьскому, отмечено не было. Примечательно, что мещанин З. Рогаткин участия в голосовании не принимал – его нет в списке выборщиков, впрочем, как и «возмутителя спокойствия» купца И. П. Логинова-малого. Видимо, конфликт «6 октября» стоил «карьеры» и З. О. Рогаткину, и его «оппоненту» И. В. Шалкову: ни тот, ни другой в ближайшие 20 лет не занимали сколько-нибудь важных постов в системе местного самоуправления.

Итак, должности головы и бургомистров обладали немалой значимостью для местной городской элиты. Эти позиции оценивались согражданами достаточно высоко, о чем и свидетельствует конфликтная ситуация, сложившаяся во время проведения выборов в уездном Ирбите в начале XIX в. Та часть городского сообщества, которая «боролась» за право контролировать или исполнять эти «службы», стремилась реализовать свои потребности в правовом поле, по максимуму используя допустимые в рамках закона возможности.

Городская элита (в основе своей купеческая) обладала достаточным уровнем правовой культуры, чтобы оценить легитимность своих действий и действий окружающих, а также обосновать свою позицию с точки зрения права. Эта часть общества «заполняла» должности в местных органах власти, по сути, представляя собой низший уровень управленцев, которые были вполне способны манипулировать «законом». Они знали, как следует истолковать/применить те или иные правовые нормы и принципы, чтобы добиться поставленных целей; достаточно свободно ориентировались в губернской системе управления, имея представление о том, к кому и как обращаться в том или ином случае. Понимание того, какие именно доводы будут восприняты адекватно пермской администрацией, привело одну из сторон конфликта к использованию аргумента о «нахождении под судом» за «ослушание начальства». Теми же соображениями руководствовались заседавшие в думе ирбитчане, скомпрометировавшие оппонентов обвинениями «в пьянстве», что повлекло соответствующее наказание для последних.

Обе стороны конфликта пытались представить себя как неукоснительно соблюдающих закон подданных, а свои действия как соответствующие действующим правовым нормам. С этой целью они охотно прибегали к формулировкам, предлагаемым не только законодательством, но и распорядительной документацией (цитируя, например, «обряд о выборах» 1798 г.). Стремясь «обелить» себя и «очернить» конкурентов, активно применяли соответствующую риторику, создавая «положительный» образ «законных и благопристойных» членов городского сообщества в противовес «кричащих» смутьянов, совершающих «неподобающие поступки».

Противники не упускали возможности воспользоваться законодательными «лакунами», как показывает эпизод с трактовкой понятия «добропорядочности». Поскольку точное разъяснение по этому вопросу в законах отсутствовало, одна из сторон истолковала его как отсутствие судимости, увязав с представлениями о «достоинности»/«законности». Другая пыталась обосновать свою позицию, ссылаясь на профессиональную пригодность кандидата и имевшийся у него опыт безупречной службы. Для губернского «начальства» более приемлемым стало первое толкование, превратившись в весомый аргумент при разрешении конфликта.

Администрация губернии не рассматривала возможные манипуляции с избирателями (давление, «сговор») или угрозы главе городской думы во время проведения выборов в качестве нарушений, требовавших особого внимания «начальства». Чиновники пермского правления посчитали, что их вмешательство в подобных случаях не требуется, тем более что «замарана» обвинениями была победившая сторона. Рамочно обозначив необходимые от местных органов власти действия касательно нарушений (переизбрать, наказать), администрация губернии предпочла не вдаваться в детали, подразумевая, что общество и «новоизбранные» члены думы и магистрата способны решить эти проблемы самостоятельно.

Для «молчаливого большинства» ирбитских выборщиков «крики» и «шумная» агитация во время баллотирования также не важны и не расценивались как правонарушения, требующие обращения к властям. Достаточной считалась помощь от «команды» городничего в «усмирении» «буйствующих» сограждан, излишне увлеченных избирательной борьбой. К государству апеллировали в случае, если не могли разрешить конфликт самостоятельно.

Городское общество при проведении выборных собраний в основе своей руководствовалось традициями, унаследованными от посадского схода. Большую часть «избирателей» не смущал факт «выкрикивания» кандидатов с мест, агитация с предложением голосовать за определенного человека. Очевидно, что подобные методы борьбы местных «партий» за власть не являлись чем-то непривычным для горожан. Государство лишь частично регулировало избирательный процесс, полагаясь на традиционные нормы и правила. Общество освоило новации, касающиеся методов голосования («балатировка»), но традиционные установки по-прежнему успешно работали, позволяя системе функционировать.

Список литературы

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 644. Оп. 1.
2. Заславская Т. И. О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 3-15.
3. Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII века. М.: Наука, 1967. 336 с.
4. Куприянов А. И. Культура городского самоуправления русской провинции. 1780-1860-е годы. М.: Институт российской истории РАН, 2009. 328 с.
5. Куприянов А. И. Между «олигархией» и «демократией»: городское самоуправление в конце XVIII – первой половине XIX в. // Труды Института российской истории. М.: Наука, 2008. Вып. 7. С. 29-58.
6. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2-х т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 549 с.; Т. 2. 567 с.
7. Пешков В. Н. Население городов дореформенной Пермской губернии // Наш край: материалы 5-й Свердловской областной краеведческой конференции. Свердловск, 1971. С. 35-40.
8. Середа Н. В. Реформа управления Екатерины Великой. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 446 с.
9. Устав благочиния или полицейский. № 15379, 8 апреля 1782 г. // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXI. С. 461-488.

“CAN THIS CHOICE BE CONSIDERED LEGAL?” PERCEPTION OF ELECTORAL PROCESS BY CITIZENS AT THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY (BY THE URAL REGION MATERIALS)

Lebedenko Elena Yur'evna, Ph. D. in History

*Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
hyulebed@mail.ru*

The article aims to analyze urban population's legal culture by the materials of the conflict that occurred in one of the provincial Ural towns – Irbit – at the beginning of the XIX century. The paper covers the legal conceptions of the citizens and their implementation in a specific “local” situation – elections to the institutions of local self-government. Special attention is paid to the behaviour analysis and its representation in texts on the part of the conflict participants.

Key words and phrases: elections; citizens; legal culture; modernization; actors.